

В Киев семья Горенко приехала в 1906 году из Крыма, и это была вынужденная мера. Годом раньше родители Ани разошлись. Отец семейства в очередной раз влюбился, оставил жену, ушёл в загул, истратив на подарки любовнице не только состояние семьи, но и приданое дочерей. Инна Эразмовна с детьми переехала по рекомендации врачей в Евпаторию. Жилось там трудно: ведь семейный капитал был промотан отцом семейства, а найти средства для жизни и продолжения образования дочерей представлялось в заштатном южном городке невозможным...

Спасительной оказалась идея уехать в Киев. С ним были связаны самые добрые воспоминания. Когда-то отец Инны Горенко Эразм Стогов служил правителем канцелярии генерал-губернатора Юго-Западной России Дмитрия Бибикова, был весьма влиятельным человеком в городе, и его семья благоденствовала. Кроме того, приезжие рассчитывали на помощь старшей сестры Инны Эразмовны — Анны, которая была замужем за весьма состоятельным человеком, известным в Киеве юристом Виктором Модестовичем Вакаром.

Вначале они поселились у старшей сестры Инны Эразмовны, о чём свидетельствовало прошение на имя начальника первой женской гимназии с просьбой допустить Анну Горенко к вступительным экзаменам в 1-й (старший класс). Там же был указан адрес: Университетская, 3, квартира Вакара. Небольшой домик цел и сейчас, живёт

он в окружении уличных художников, на пороге знаменитого Андреевского спуска, потихоньку ветшая и разрушаясь...

Но что-то не устраивало Инну Эразмовну и её детей в доме сестры. Особенно комплексует Анна. Ей невыносимо было чувствовать себя в роли приживалки и бедной родственницы в семье богатого юриста и его пышнотелых дочек.

«Моя семипудовая кухня, ожидая примерку нового платья в приёмной у знаменитого портного Швейцера, целовала образок Николая Угодника: «Сделай, чтобы хорошо сидело», — писала девушка в дневнике, довольствуясь поношенными платьями и дешёвыми шляпками. Ей очень хотелось уехать от Вакаров, и вскоре такая возможность предоставляется, и она переехала к своей кухне, Марии Александровне Змунчили, которая проживала на улице Меринговской. Это была небольшая улочка в самом центре Киева.

Сегодня она носит имя корифея украинской сцены Марии Заньковецкой. На фронтоне дома номер семь надпись: «У цьому будинку в 1906 році жила видатна російська поетеса Анна Ахматова». Снаружи здание было украшено лепниной растительных орнаментов и хищных женских лиц. Оно выдержало испытания временем двух войн и трёх революций...

В те годы центр Киева Крещатик состоял сплошь из двух-, трёхэтажных домов. По брусчатой мостовой, гремя на стыках, тянулись гружёные телеги, мчались лихие экипажи, редкие автомобили. Анна пешком ходила в гимназию, благо от Меринговской до Фундуклеевской, в начале которой находилась первая женская гимназия, было минут пятнадцать неторопливого хода. Путь её пролегал мимо зданий, украшенных вывесками: «Аптекарский складь», «Врачебный кабинет Знаменского», «Писчебумажные принадлежности»...

Вот поворот на Фундуклеевскую, ещё полторы сотни метров — и здание гимназии. Одна за другой девчущки в форменных коричневых платьях и чёрных передниках исчезают за высокими дверями. Большинство приходит пешком, но некоторые приезжают и в экипажах. Несмотря на всю демократичность, социальное неравенство бросалось в глаза. Аня весьма болезненно воспринимала это, и её одноклассницы в своих воспоминаниях отмечали, что девушка чаще была грустна и печальна...

Гимназические проблемы были далеко не единственными. Угнетало девушку и положение приживалки в доме тётки. Её не покидало ощущение ненужности. В письмах того времени появлялись подобного рода признания: «Денег нет. Тётя пилит», «Тётя Вакар ...меня терпеть не может», «Я не могу вынести этого обмана, опутавшего меня... поскорее бы закончить гимназию и поехать к маме».

Она с трудом переносила высокопарный трёп о политике в доме, ей обрыдли рыбные супы и вопли нервного дяди... Что и заставило её перебраться жить к своей кухне Марии в квартиру на Меринговскую улицу...

А ведь вначале семья Вакаров хорошо приняла девушку. Но вскоре непривычный уклад этой семьи стал портить их взаимоотношения. Вот что написала она об этом своему другу Сергею фон Штерну в Петербург: «Ко мне здесь все очень хорошо относятся, но я их не люблю. Слишком мы разные люди. Я всё молчу и плачу, плачу и молчу. Это, конечно, кажется странным, но поскольку других недостатков у меня нет, то пользуюсь всеобщей благосклонностью».

Удручало девушку и состояние здоровья, она жаловалась близким: «С сердцем у меня совсем плохо, и как только оно заболит, левую руку совсем отнимает».

От жизненных неурядиц она даже закурила... Продолжалось это, правда, недолго, но это в какой-то степени объясняло, что для болезней сердца были свои сердечные причины.

Тут, наверное, пора назвать главную причину столь сложного душевного состояния Аннушки. Напомню: ведь находилась она в том возрасте, когда сердце живёт ожиданием первой любви, встречи с человеком, который... Впрочем, такой человек был, но находился он далеко; перед разлукой с ним девушка ощутила, что всё пошло прахом, что тому нет до неё никакого дела...

Со студентом факультета восточных языков Петербургского университета Владимиром Голенищевым-Кутузовым юная Аня Горенко познакомилась на так называемых «журфиксах» в доме старшей сестры Инны, которая была замужем за Сергеем фон Штерном. И влюбилась. А покинув вскоре столицу Российской империи, непрестанно думала о нём, хотя вниманием сильной половины человечества она не была обделена. Сероглазая стройная красавица привлекала внимание как сверстников, так и зрелых мужчин.

Кузен Гриша Демьянский буквально «каждые пять минут» предлагает ей руку и сердце. Поэт Александр Фёдоров, старше Ани лет на двадцать, пристаёт к ней с поцелуями, клянётся в вечной любви, но все мысли её и душевные порывы обращены к петербургскому повесе. ...Поняв в конце концов, что Голенищев-Кутузов к ней абсолютно равнодушен, Аня остановила свой выбор на Николае Гумилёве.

Николая Аня знала лет с тринадцати. Он постоянно появлялся в её жизни, активно вторгался в неё. Писал девушке письма, посвящал стихи, а в 1907 году в ответ на предложение журнала «В мире искусств» написал три новеллы под общим названием «Радость любви земной» и посвятил их Анне Горенко.

«Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Степановича Гумилёва. Он любит меня вот уже три года, и я верю, что моя судьба — быть его женой. Люблю ли я его, не знаю, но кажется мне, что люблю». Под этим письмом Сергею фон Штерну дата — 2 февраля 1907 года.

Николай жил в те годы в Париже, слал ей нежные, полные любви письма, посвящал прекрасные стихи, а приезжая в Киев, трижды делал предложение выйти за него замуж. И трижды получал отказ. Она чуть было не довела Николая до самоубийства, но, в конце концов, измученная осадой, сдалась. Случилось это осенью 1909 года после литературного вечера в небольшом ресторанчике на склоне холма у Европейской площади; именно там позднее построили зодчие Киева монументальное здание музея Владимира Ильича Ленина. Именно там наконец услышал Гумилёв долгожданное «да».

А ещё через шесть месяцев, 25 апреля 1910 года, молодые обвенчались. Случилось это в маленькой деревянной церквушке Никольской слободки, что располагалась на левом берегу Днепра. До наших дней церквушка не дожила. Её разрушили в 1960 году, когда строили станцию метро «Левобережная». На венчании никого из родни не было, ибо близкие не ждали от этого брака ничего хорошего и были против.

Вскоре молодожёны переехали в Петербург, киевский период жизни великой поэтессы закончился. Вне сомнения, период этот, несмотря на

все житейские неурядицы, а скорее и в купе с ними, оказал огромное влияние на жизнь и творчество Анны Ахматовой.

На протяжении всей своей истории Киев был славен красотой и уютом. В начале двадцатого века город на склонах Днепра утопал в зелени каштанов, возвышались совершенные творения зодчих разных эпох — церкви, мосты и здания. Здесь царил атмосфера непроходящего праздника... Особенно прекрасен был он в летние предвечерние часы, когда спадала дневная жара, прохладный воздух наполнялся цветочным ароматом, а из парков и скверов доносились звуки духовых оркестров...

Вот как характеризовал его Михаил Булгаков. Влюблённый в родной город, он неизменно писал его с большой буквы и воспел его во многих произведениях. Вот, например, как выразил писатель своё восхищение Киевом в романе «Белая гвардия»:

«И было садов в Городе так много, как ни в одном городе мира. Они раскинулись повсюду огромными пятнами, с аллеями, каштанами, оврагами, клёнами и липами.

Сады красовались на прекрасных горах, нависших над Днепром, и, уступами поднимаясь, порой пестря миллионами солнечных пятен, порою в нежных сумерках царствовал вечный Царский сад.»

Анна особенно любила моменты, когда она, возвращаясь домой, видела, как тьма отступала перед мягким светом газовых фонарей.

«Когда совсем стемнело... Мы видели странного человека в чёрном. Он бежал с лестницей за плечами и длинной палкой, останавливался у зелёных газовых фонарей, ловко открывал стеклянную створку, просовывал туда пику с огоньком и зажигал фонарь искрящимся узким зелёным пламенем. Электричество в городе было ещё роскошью. Оно уже было в театрах, в некоторых общественных зданиях, но частные квартиры освещались настольными, стенными и висячими керосиновыми лампами».

Наверное, поэтому она не раз обращалась к образу Киева, парящему над могучим Днепром...

Древний город словно вымер,
Странен мой приезд.
Над рекой своей Владимир
Поднял чёрный крест.

Липы шумные и вязы
По садам темны.
Звёзд иглистые алмазы
К Богу внесены.

Путь мой жертвенный и славный
Здесь окончу я.
Но со мной лишь ты, мне равный,
Да любовь моя.

Стихи эти датированы 1914 годом, когда Анна Ахматова была уже зрелым мастером, а первые поэтические строчки она написала в одиннадцатилетнем возрасте. Активно работала она и в Киеве, что, кроме стихов, под-

Художник Иван Букакин.

А. А. Ахматова.

тверждает также деятельная работа в литературных кружках, в чтениях с участием будущих корифеев Алексея Толстого, Николая Гумилёва, Михаила Кузмина, Петра Потёмкина. Написанные в этот период стихи легли в основу её первой книги «Вечер», которая увидела свет в 1912 году. Среди них «Молюсь оконному лучу», «Ночь моя — бред о тебе», «Хорони, хорони меня, ветер...», «Всю ночь не давали заснуть», «Подушка уже горяча...», «И как будто по ошибке...», «Тот же голос, тот же взгляд» и другие.

Что ещё особенно важно: именно в Киеве к Анне Андреевне пришла счастливая мысль публиковать свои стихи под звучным, со страстным придыханием псевдонимом — Ахматова. «Только семнадцатилетняя шальная девчонка, — расскажет позже Анна Андреевна, — могла выбрать татарскую фамилию для русской поэтессы... Мне пришло на ум взять себе псевдоним, что папа, узнав о моих стихах, сказал: «Не срами моё имя». — «И не надо мне твоего имени!» — сказала я.

Конечно, подсказка выбора псевдонима была из прошлого: прабабка Анны Андреевны происходила из древнего татарского княжеского рода, но не последнюю роль сыграл и идеальный музыкальный слух девушки, слух, на котором зиждется не только высокая поэзия, но и проза...

А первая публикация её творения состоялась несколько ранее в журнале «Сириус», который издавал в Париже Гумилёв. Он выбрал такое:

На руке его много блестящих колец —
Покорённых им девичьих нежных сердец.
Там ликует алмаз, и мечтает опал,
И красивый рубин так причудливо ал.
Но на бледной руке нет кольца моего.
Никому, никогда не отдам я его.
Мне сковал его месяца луч золотой
И, во сне надевая, шепнул мне с мольбой:
«Сохрани этот дар, будь с мечтою горда».
Я кольцо не отдам никому никогда.

Так формировался и рос талант юной поэтессы, так влиял на неё этот фантастический город. Киев на рубеже веков обладал огромной притяга-

тельной силой, много кого можно было увидеть на его улицах в те годы. Например, в 1894 году, когда пятилетняя Аня впервые приехала в Киев, она могла встретить на Крещатике будущего нобелевского лауреата Ивана Бунина или другого великого русского писателя Александра Куприна. Практически в одно время она училась в Киеве с Михаилом Булгаковым...

Правда, с тем первым приездом в Киев связано неприятное и даже страшное происшествие. В Киев Анечка Горенко попала в первый раз в 1894 году в пятилетнем возрасте. Остановилась тогда семья статского советника Андрея Горенко в гостинице «Националь», что находилась на Бессарабской площади. Именно тогда и случилось самое страшное происшествие в Анином детстве. Во время прогулки по тенистым аллеям знаменитого Шато-де-Флер она, вырвавшись из рук няньки, с разбегу оказалась вместе с Рикой в вольере с медведем. В святочные дни в парк, который находился в нижних ярусах, где сегодня гоняют мяч динамовцы Киева, привезли зверинец. Вопли, крики. Спас девочек случайный прохожий, мгновенно преодолевший ограду и буквально выбросивший малюток из клетки за забор. У спасшейся чудом девочки на всю жизнь остались жуткие воспоминания...

«Ужас окружающих. Мы дали слово бонне скрыть событие от мамы, маленькая Рика, вернувшись, закричала: «Мама — будка — мишка — морда — окошко», — вспоминала впоследствии Анна Андреевна.

Но там же состоялось событие, наверняка сыгравшее в её жизни мистическую роль. Гуляя с бонной по тенистым аллеям Шато-де-Флер, малышка нашла заколку в форме лиры. Бонна, по всей видимости, образованная женщина, увидела в этой находке знак судьбы и предрекла: «Быть тебе, Анюта, поэтом!» Став постарше, девочка узнала, что лира — символ творческого начала в человеке. Она — любимый музыкальный инструмент древнегреческого бога Аполлона, своей игрой способного умиротворить самого грозного из богов Олимпа — Зевса... Узнала и стала ещё больше дорожить знамением, посланным свыше... Лишь однажды, когда её любимый брат серьёзно заболел, ей пришлось расстаться с лирой. Болезнь была страшной, в то время от дифтерита мало кто выживал, и Анна загадала: если Андрюша выживет, она пожертвует самым дорогим — лирой. И когда братик выдюжил, Аня закопала заколку под деревом в Кокоревской беседке на Владимировской горке. Когда через много лет гимназистка Анна Горенко, вернувшись в Киев, попыталась отыскать талисман — он был на месте. И каким-то необъяснимым образом влиял на будущего великого поэта...

Позднее Анна Андреевна признаётся, что эту находку восприняла как знак судьбы. Лира, очевидно, подспудно подталкивала девочку к поэтическому творчеству, и та стала писать... Первое стихотворение было создано в 1900 году, когда Ане было одиннадцать лет. К сожалению, её первые литературные опыты не сохранились. Со свойственным ей максимализмом она посчитала их безнадежно слабыми, недостойными жизни и уничтожила. Но лира звала, и Аня продолжала прислушиваться к звучащим в душе и сердце струнам...

Понятно, что в детстве Ахматовой не было никакого дела до знаменитостей. Зато в те годы, когда она занималась на Киевских высших женских курсах, она сама искала знакомств с людьми искусств, богемы. Такое общение девушка находит в литературном кружке, которым руководила театральная художница Александра Экстер. Её живопись — яркая, современная

— импонировала Анне. В то же время на художницу произвела впечатление необычная (огромные серо-зелёные глаза, горбоносый профиль) внешность, экстравагантное поведение, и она стала писать портрет Анны Горенко. Это был, наверное, первый её портрет профессиональной работы, а позднее образ поэтессы увлёк Амедео Модильяни, Натана Альтмана, Юрия Анненкова и многих других известных мастеров. Но портрет работы Александры Экстер был первым, и Анна посвятила ему стихотворение «Старый портрет»...

Итак, длительный период пребывания в Киеве закончился не только свидетельствами об образовании и браке, главное — мир был извещён о рождении величайшего поэтического дарования, извещён во весь голос.

Последующий путь был весьма тернист и трагичен. Признанный во всём мире гений на родине был изгоем. Её стихи замалчивались, подвергались жесточайшей критике и цензуре... Но как часто было, всё рассудило время. Как жаль, что широчайшее признание, признание официальное творения поэтессы получили тогда, когда Анна Андреевна ушла в лучший из миров. Её имя носят сегодня улицы, библиотеки, пароходы...

Казалось бы, справедливость восторжествовала, но каковы люди! В любые времена находятся и злопыхатели, и завистники, и просто недалёкие человечки, поступки и слова которых трудно понять и объяснить...

Получив в конце прошлого года приглашение участвовать в конкурсе «Ахматовская тропа», я решил посетить киевские адреса, связанные с именем великой поэтессы, с тем, чтобы получить эмоциональный заряд перед тем, как сесть за компьютер и освежить память. Кроме упомянутых выше адресов, была ещё улица Тарасовская, Софиевский собор, Киево-Печерская лавра, Андреевский спуск с венчающим его творением Растрелли, Царский сад, а также появившиеся в советские времена достопримечательности. В частности, к столетию со дня рождения Анны Ахматовой в 1989 году в левобережной части Киева в её честь была названа улица, её имя присвоено также одной из библиотек города, появились и мемориальные доски.

Надо сказать, время для прогулок было не самое удачное и весьма небезопасное. Многие адреса находились в непосредственной близости от бурлящей адским котлом Европейской площади. Под обгоревшим порталом стадиона «Динамо» имени Валерия Лобановского, где в начале прошлого века находился вход в Шато-де-Флер (Замок цветов), излюбленное место отдыха киевлян, сегодня держали оборону бойцы спецподразделения «Беркут». Мужественно, под градом булыжников, вспыхивая, как факелы от «коктейлей Молотова», отражали они наскоки боевиков майдана, терпели, ожидая приказа (так и не дождавшись) применить силу. Воздержусь от политических и военных оценок, но события в центре одного из красивейших городов мира напоминали мне видение Апокалипсиса — тёмно-красное пламя от сотен горящих автомобильных крышечек, клубы чёрного дыма, застилающего небо, грохот выстрелов и разрывов, крики и стоны, едкий смрад и ощущение огромной беды...

Всего в пятистах метрах от эпицентра страшных событий, от Крещатики, круто вверх поднималась одна из самых главных улиц города — улица Богдана Хмельницкого. В старину она называлась Фундуклеевской в честь генерал-губернатора И. Фундуклеева, верой и правдой служившего Киеву и России. После Великого Октября её переименовали в улицу Ленина,

а вслед за крахом Советского Союза улица была названа именем великого гетмана Богдана Хмельницкого. И, как показали времена, опять не слава богу: националисты открыли для себя и для народов Украины, что Хмельницкий — главный виновник того, что украинцы триста лет находились «в кабале у москалей»...

В двухэтажных метрах вверху находятся два похожих друг на друга старинных здания. В одном из них — министерство энергетики Украины, во втором — «Нафтогаз» Украины. Прошёл вдоль фасадов: ни мемориальных табличек, ни свидетельств о том, что эти здания являются памятниками архитектуры хотя и невооружённым глазом видно, что являются таковыми. Охранники на мои вопросы отвечали недоумёнными пожиманиями плеч, а руководитель службы безопасности национальной компании «Нафтогаз Украины» что-то слышал о том, что до революции здесь располагался Институт благородных девиц, и был приятно удивлён, когда узнал от меня, что в этих стенах училась великая русская поэтесса. Об Анне Ахматовой он, слава богу, слышал, и есть надежда, что он доложит руководству и к 125-летию со дня рождения Анны Андреевны на этом здании появится памятный знак...

Тут я вспомнил, что буквально в сотне метров через дорогу находится Музей литературы. И обрадовался, что здесь-то я найду ответы на многие интересующие меня вопросы.

В фойе музея меня остановил усиленный наряд милиции, и женщина-администратор, которая не смогла ответить на мои вопросы, предложила задать их научному сотруднику музея. Не буду здесь называть имя и отчество моей собеседницы (далее поймёте, почему), но содержание разговора и её ответы огласить я просто обязан.

— Гимназия на Фундуклеевской? Это где-то рядом. Точно не знаю...

— Там училась Ахматова? У нас в музее есть небольшая экспозиция, ей посвящённая.

— Один из величайших поэтов человечества? Но она ж русская...

— Мероприятия к 125-летию Ахматовой? У нас сейчас подготовка к юбилею Шевченко!

Напоминаю научному сотруднику Музея литературы, что Ахматова — псевдоним, а настоящая фамилия Анны вполне украинская — Горенко, что родилась она в Одессе, образование получила в Киеве, где в середине XIX века её дед, Эразм Стогов, был весьма влиятельным человеком и служил правителем канцелярии генерал-губернатора Юго-Западной России Дмитрия Бибикова, что мама Анны Ахматовой погребена в селе Слободка Шелеховская на Хмельнитчине... Наверное, немало оснований считать её и поэтессой украинской и уделить чуть больше внимания, тем более что она — величина мирового масштаба, и почести ей и признание — от всего человечества.

Вновь воздержусь от каких-либо оценок или выводов. Вновь тёмные силы пытаются придушить голос великой женщины, и её стихи на родине вновь едва слышны...

Анна Андреевна Ахматова подолгу гостила на коломенской даче Шервинских в Старках в 1936, 1952 и 1956 годах, что ярко и полно отразилось в её коломенском цикле. Музыкальный лейтмотив цикла «Шиповник цветёт» пришёл из «Чаконы» Баха, которую для Ахматовой исполнял зять Сергея Шервинского — известный музыкант, альтист Фёдор Дружинин.

Под Коломной*Шервинским*

...Где на четырёх высоких лапах
 Колокольни звонкие бока
 Поднялись, где в поле мятный запах,
 И гуляют маки в красных шляпах,
 И течёт московская река, —
 Всё бревенчато, дощато, гнуто...
 Полноценно цедится минута
 На часах песочных. Этот сад
 Всех садов и всех лесов дремучей,
 И над ним, как над бездонной кручей,
 Солнца древнего из сизой тучи
 Пристален и нежен долгий взгляд.

Ташкент, 1 сентября 1943

Шиповник цветёт
Из сожжённой тетради

And thou art in Humanity
Keats¹

Вместо праздничного поздравленья
 Этот вечер, жёсткий и сухой,
 Принесёт вам только запах тленья,
 Привкус дыма и стихотворенья,
 Что моей написаны рукой.

*24 декабря 1959***1. Сожжённая тетрадь**

Уже красуется на книжной полке
 Твоя благополучная сестра,
 А над тобою звёздных стай осколки,
 И под тобою угольки костра.
 Как ты молила, как ты жить хотела,
 Как ты боялась едкого огня!
 Но вдруг твоё затрепетало тело,
 А голос, улетаая, клял меня.
 И сразу все зашелестели сосны
 И отразились в недрах лунных вод.
 А вокруг костра священнейшие вёсны
 Уже вели надгробный хоровод.

1961

¹ И ты находишься далеко в человечестве. К и т с (англ.)

6. Первая песенка

Таинственной невестречи
Пустынны торжества,
Несказанные речи,
Безмолвные слова.
Нескрещенные взгляды
Не знают, где им лечь.
И только слёзы рады,
Что можно долго течь.
Шиповник Подмосковья,
Увы! при чём-то тут...
И всё это любовью
Бессмертной назовут.

5 декабря 1956

7. Другая песенка

Несказанные речи
Я больше не твержу,
Но в память той невестречи
Шиповник посажу.
Как сияло там и пело
Нашей встречи чудо,
Я вернуться не хотела
Никуда оттуда.
Горькой было мне усладой
Счастье вместо долга.
Говорила с кем не надо,
Говорила долго.
Пусть влюблённых страсти душат,
Требуя ответа,
Мы же, милый, только души
У предела света.

1957

8. Сон

Сладко ль видеть неземные сны?

А. Блок

Был вещим этот сон или не вещим...
Март воссиял среди небесных звёзд,
Он алым стал, искрящимся, зловещим, —
А мне в ту ночь приснился твой приезд.

Он был во всём... и в баховской Чаконе,
И в розах, что напрасно расцвели,
И в деревенском колокольном звоне
Над чернотой распаханной земли.

И в осени, что подошла вплотную
И вдруг, раздумав, спряталась опять.
О август мой, как мог ты весть такую
Мне в годовщину страшную отдать!

Чем отплачу за царственный подарок?
Куда идти и с кем торжествовать?
И вот пишу, как прежде без помарок,
Мои стихи в сожжённую тетрадь.

*1 августа 1956
Старки — Москва*

9

По той дороге, где Донской
Вёл рать великую когда-то,
Где ветер помнит супостата,
Где месяц жёлтый и рогатый, —
Я шла, как в глубине морской...
Шиповник так благоухал,
Что даже превратился в слово.
И встретить я была готова
Моей судьбы девятый вал.

1956

10

Ты выдумал меня. Такой на свете нет.
Такой на свете быть не может.
Ни врач не исцелит, не утолит поэт, —
Тень призрака тебя и день и ночь тревожит.
Мы встретились с тобой в невероятный год,
Когда уже иссякли мира силы,
Всё было в трауре, всё никло от невзгод,
И были свежи лишь могилы.
Без фонарей как смоль был чёрен невский вал.
Глухонемая ночь вокруг стеной стояла...
Так вот когда тебя мой голос вызывал!
Что делала — сама ещё не понимала.
И ты пришёл ко мне, как бы звездой ведом,
По осени трагической ступая,
В тот навсегда опустошённый дом,
Откуда унеслась стихов казённых стая.

*18 августа 1956 г.
Старки*

11. В разбитом зеркале

Непоправимые слова
Я слушала в тот вечер звёздный.
И закружилась голова,
Как над пылающею бездной,
И гибель выла у дверей,
И ухал чёрный сад, как филин,
И город, смертно обессилен,
Был Трои в этот час древней.
Тот час был нестерпимо ярк
И, кажется, звенел до слёз.
Ты отдал мне не тот подарок,
Который издалёка вёз.
Казался он пустой забавой
В тот вечер огненный тебе.
А он был мировую славой
И грозным вызовом судьбе.
И он всех бед моих предтеча, —
Не будем вспоминать о нём!..
Несостоявшаяся встреча
Ещё рыдает за углом.

1956

16

И это станет для людей
Как времена Веспасиана,
А было это — только рана.
И муки облачко над ней.

18 декабря 1964 г.

Ночь. Рим

Венок мёртвым

IV. Памяти Бориса Пильняка

Всё это разгадаешь ты один...
Когда бессонный мрак вокруг клокочет,
Тот солнечный, тот ландышевый клин
Врывается во тьму декабрьской ночи.
И по тропинке я к тебе иду.
И ты смеёшься беззаботным смехом,
Но хвойный лес и камыши в пруду
Ответствуют каким-то странным эхом...
О, если этим мёртвого бужу,
Прости меня, я не могу иначе:
Я о тебе, как о своём, тужу

И каждому завидую, кто плачет,
Кто может плакать в этот страшный час
О тех, кто там лежит на дне оврага...
Но выкипела, не дойдя до глаз,
Глаза мои не освежила влага.

1938

VI. Поздний ответ

Белорученька моя, чернокнижница...

М. Ц.

Невидимка, двойник, пересмешник...
Что ты прячешься в чёрных кустах? —
То забьёшься в дырявый скворешник,
То блеснёшь на погибших крестах,
То кричишь из Маринкиной башни:
«Я сегодня вернулась домой,
Полюбуйтесь, родимые пашни,
Что за это случилось со мной.
Поглотила любимых пучина,
И разрушен родительский дом»

.....
Мы сегодня с тобою, Марина,
По столице полночной идём.
А за нами таких миллионы,
И безмолвнее шествия нет...
А вокруг погребальные звоны,
Да московские дикие стоны
Вьюги, наш заметающей след.

16 марта 1940, 1961

Поэма без героя Посвящение Третье и последнее (*Le jour des rois*)²

Раз в крещенский вечерок...

Жуковский

Полно мне леденеть от страха.
Лучше кликну Чакону Баха,
А за ней войдёт человек...
Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится Двадцатый Век.
Я его приняла случайно

² День царей (*фр.*).

За того, кто дарован тайной,
С кем горчайшее суждено,
Он ко мне во дворец Фонтанный
Опоздает ночью туманной
Новогоднее пить вино.
И запомнит Крещенский вечер,
Клён в окне, венчальные свечи
И поэмы смертный полёт...
Но не первую ветвь сирени,
Не кольцо, не сладость мгновений —
Он гибель мне принесёт...

5 января 1956